

ТАГАНРОГСКИЙ ВЪСТНИКЪ

№ 22-й.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 22-й.

Телефонъ конторы № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Телефонъ редакціи № 85.

Годъ XXIX-й.

Воскресенье, 24 января 1910 года

Годъ XXIX-й

Памяти Чехова.

„Скучно жить на свѣтѣ, господа“
Гоголь.

* * *

Какъ странно! Ужъ давно межъ суме-
рекъ, уныло,
Тѣ пѣсни не звучатъ завѣтною тос-
кой...

Но мы, въ душѣ, опять надъ свѣжею
могилой,
Могилой Чехова — и близкой, и свя-
той...

* * *

И словно чудятся задумчивыя тѣни.
И голосъ ласковый, и кроткій, тихій
взглядъ,

И та большая грусть простыхъ, жи-
выхъ твореній,
И все, что минуло—и не придетъ на-
задъ...

* * *

Какъ много истины и скорби пережи-
то...

Какъ много новаго намъ вынести да-
но!..

А сколько гордыхъ струнъ въ живыхъ
сердцахъ разбито

И чудныхъ, яркихъ сновъ навѣкъ по-
гребено!..

* * *

И вотъ въ тяжелый мигъ неяснаго
похмелья

Намъ ближе и милѣй пѣвецъ тоски
родной,

Обыденныхъ людей, рабочаго бездѣ-
ля

И жизни узенькой, безсмысленно ту-
пой.

* * *

Смотри! Встаютъ они—знакомые, смѣ-
шные

И жалкіе до слезъ, и слабые въ
судьбѣ;

Всѣ неудачники безвольные, больные,
Всѣ дѣти бѣдныя, уроды въ ихъ сре-
дѣ...

* * *

Писатель чуткій—онъ любилъ глубоко,
нѣжно

Всѣхъ темныхъ, маленькихъ, кому нель-
зя мечтать,

И зналъ онъ правду ихъ—и вѣрилъ
безмятежно,
Что будетъ лучше — только надо
ждать!..

* * *

Да, будетъ! Со страницъ глядятъ жи-
вые люди

Съ начала и досель—хоть онъ давно
въ гробу;

Мы эти люди всѣ,—онъ наше сердце
будить...

Чу! Сказки свѣтлыя проходятъ на-яву...

* * *

—„Вишневый садъ“... Весны очарова-
нье

И первый чистой юности разсвѣтъ,
И старости забытой угасанье,

И смѣлыхъ грезъ душистыхъ бѣлыхъ
цвѣтъ!..

* * *

И словно самъ Тургеневъ изъ моги-
лы

Воскресъ на мигъ: въ улыбкѣ расцвѣ-
ло

Тутъ столько ласки, нѣжности и силы,
И столько грусти есть, но такъ въ ду-
шѣ свѣтло!..

* * *

А тамъ, надъ озеромъ, гдѣ мокрая
равнина—

Чей безутѣшный стонъ осеннею по-
рой?—

То „Чайка“ бѣдная все бродитъ не-
людимо,

Да тихо плачетъ надъ собой...

* * *

И „Три сестры“ печально ждутъ зака-
та:—

Тѣснѣй дышать, уходить жизнь кру-
гомъ—

И скукой злобною, и холодомъ объ-
яты

Влачатъ привычнымъ чередомъ...

* * *

Вотъ дядя Ваня—искренній, несмѣлый,
И честный докторъ, тонущій въ глу-
ши;

Впередъ, во тьму несутъ косью,
разъѣзды,—„дѣло“—

А сердце черствѣетъ въ тиши...

А послѣ водка; долгою зимою—

Гитара, счеты... Ругань съ мужикомъ,

Да слезы жалкія съ безсвѣтною то-
скою,

И Соня шепчетъ: „Нянечка, пойдёмъ“...

* * *

О, сколько ихъ—безропотныхъ, заби-
тыхъ,

Невѣдомыхъ—и какъ онъ ихъ жа-
лѣлъ!

Но все-жъ подъ мишурой и ложью не
забытой

Подмѣтитъ искорку съумѣлъ.

* * *

И смѣхъ его манилъ не гнѣвно, не су-
рово,

Но горько, ласково... Обрюзлаго купца,
И Варьку бѣдную, и мужика больного

Онъ кротко понималъ до конца.

* * *

Порою нотки строгія звучали,—
Сатиры жгучія на глупыхъ богачей,

Забывшихъ истины высокія, печали

И долю совѣсти своей...

* * *

Онъ такъ дѣтей любилъ. Ихъ личики
живыя

Фигурки малышей и мальчиковъ за-
доръ—

Пестрятъ и радуютъ страницы дорогія,
Какъ милыхъ ласточекъ дозоръ...

* * *

И въ строфахъ чудятся привѣтливые
глазки,

И нѣга тихая, лампадки огонекъ,

И няни старенькой задумчивыя сказ-
ки—

Души поэта уголокъ...

* * *

Онъ той душой творилъ—и жизнь его
сгорѣла,

Какъ свѣточъ золотой въ—таинствен-
ной ночи,

Но струнка нѣжная навѣки прозве-
нѣла

Завѣтомъ ласки и любви...

* * *

Его ужъ нѣтъ... Но на Руси, глубоко,
Среди кромѣшной тьмы, безъ честн.

безъ свѣтилъ—
Мы молвимъ, головой качая одиноко:

— „Да, да... то Чеховъ былъ“...

Н. Кудряковъ.

17-го января
1910 года.